

МОЛИТВА КАК ЖАНР (РЕЛИГИОЗНОГО) ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Мировоззренческие отношения между философией и религией всегда складывались непросто. Чаще всего, конфликтно и противоречиво. И это вполне объяснимо, ибо философия и религия всегда претендовали на статус социокультурного рефери в вопросах экзистенциального самоопределения человека в бытии.

Религиозное сознание задавало человеку определенную систему мировоззренческих «аксиом» и всей мощью, подведомственных ему социальных институтов, отслеживало идейных нонконформистов, носителей «ересей» Разума и Воли. Борьба с догматическим «инакомыслием», была частью самого религиозно ориентированного бытия. Умозрения, лишённые пиетета перед Творцом, прокламировались в качестве «гордыни», одной из божественных «тварей», возомнившей себя правомочной мыслить так, «как если бы Бога не было!» Философия воспринималась с подозрением, а всякое философствование рассматривалось, как детская забава человеческого ума постичь «непостижимое».

В свою очередь, (не религиозная) философия квалифицировала религиозное сознание в терминах «предыстории Разума», «Разума на службе у Веры», «этапа» в саморазвитии Абсолютного Разума, идеологического «опиума». Философия предлагала человеку опираться на собственное «усилие мыслить» весь спектр мировоззренческих ориентаций, под углом зрения поиска «единства разнородного». Итогом же этих «обобщений» практик восприятия бытия, должно было стать представление об «Изначальном», т.е. о том, что является «предельным (онтологическим и семантическим) основанием бытия.

Более того, философия оговаривала ряд «условий подлинности» человеческого осмысления бытия. К их числу относились способность мыслить инакомыслие мыслящих Иное и Иначе; духовное мужество самокритично проблематизировать любую систему мировоззренческих «априори»; способность рефлексивного вопрошания «Я ли мыслю, ТО, что я мыслю?»; готовность опираться свою мысль на диалектические парадоксы бытия, с их борьбой противоположностей, связи всего со всем и самотождественностью изменчивого. Для философии религия представляла факультативный интерес поставщика притчевых сюжетов и схоластических дискурсов.

В свое время, Блез Паскаль постарался примирить философствующих и верующих на основе знаменитого призыва «верить на всякий случай». Согласно Паскалю, вера в Бога «не помешает человеку». Если Бога нет, «хуже не будет», а если Он все же «есть», вера в Него «зачтется» человеку в эсхатологической перспективе.

Цель нашей публикации заключается в том, чтобы отыскать и прокомментировать те «медитативные» для философии и религиозного сознания духовные стратегии освоения бытия, которые выступают «особыми жанрами» мировоззренческого вопрошания, являясь философскими по содержанию и религиозными по своей форме.

Как нам представляется, одним из наиболее ярких «семантических кентавров» религиозного сознания оказывается «молитва». Но молитва, рассмотренная не в качестве ортодоксального славословия Творцу и(ли) перечня повседневных просьб, нуждающегося в некоторых «благах», бедствующего обывателя. А молитва, запечатлевающая на экране человеческого сознания, его поиск «предельных смыслов» своего существования. В этом случае, важно не то, к «Кому» обращена молитва, а то, «Что!» она «освящает» своим взыскующим содержанием.

Человек «молвит Слово» о своем бытии и это «Слово» оказывается его тропинкой к магистральной самоопределения в ценностных доминантах бытия. Он находит способ «выговорить» свою, растревоженную, экзистенцию, дать «голос» своим мировоззренческим недоумениям и терзаниям. Через «возбуждение» безмолвствовавших «куст души», направиться к сотворчеству и преображению сотворенного бытия. Вспомним, хотя бы молитвенную «исповедь» Августина: «Господи! Ты извел меня из-за спины моей, куда я давно запрятал сам себя, не желая внимать себе! Ты поставил меня теперь лицом к лицу, самого перед собой, чтобы я разглядел свою мерзость, уродливость и нечистоту, свои пятна и язвы, чтобы я нашел в себе неправду и возненавидел ее!»

Если «В Начале было Слово. И Слово было у Бога. И Слово было Бог», то теперь «Слово (пусть иногда и «убогое», косноязычное, иногда поэтически экзальтированное) становится человеческим «материалом творения». Становится «изначальным!» Но не в качестве (софистической) самоцели, а как божественный ресурс смысла, как евангелие повседневности, трагически разрушающейся от мегатонн абсурда и тоски.

Через (молитвенное) Слово человек становится подлинно философствующим. Мир обнаруживает смысловые трещины и герменевтические тупики. Ради чего сотворен мир, в чем уникальное предназначение «вот этого, конкретного», человека? Действительно ли каждый нас, несмотря на свою смертность и временность, неслучаен в бытии? Возможны ли Истина, Добро, Красота в мире полном страданий и циничной борьбы за существование всех со всеми? Из каких ценностных предпочтений складывается смысл жизни?

Вопросы, казавшиеся уделом высокообразованных интеллектуалов, «гуляк праздных», эзотерических посвященных, вдруг обретают значение «наших» вопросов. Мы падаем в пропасть хаоса бессмысленности. Нам необходимо «спастись», выжить, одержать победу над перипетиями рушащегося бытия.

К Кому обратиться за помощью и поддержкой? К Богу? Но что Я хочу у Него попросить? Ведь сами же отцы церкви говорили, что «Бог может все, но Он не может спасти человека... без... самого человека!» Значит, я должен «не просить помощи» в виде бесплатных благ, а просить об «откровениях смысла!» Следовательно, я должен попытаться «предложить

Богу свое (недо)понимание этих смыслов, чтобы побудить его откликнуться на мое молитвенное приглашение к диалогу! Разве не об этом, следующая мольба: «Дай, Боже, мне сил справиться с тем, что Я могу! Дай, Боже, мне мужество принять то, что неизбежно и не в силах изменить! Дай, Боже, мне мудрости не перепутать одно с другим!»

Если брать молитву в ее ортодоксальном, религиозном, статусе «обращения к Богу», она чаще всего играет «против Бога», ибо из всех ее герменевтических контекстов, мировоззренчески контрабандно, муссируется **проблема теодицеи**. Даже славословия Бога, молящийся человек латентно констатирует несовершенство сотворенного бытия, молит о спасении от тотального онтологического неблагополучия. Человек, потому взыскует поддержки и благ, что сущее «адски непохоже» на замысел Творца. Молитва регистрирует всю многоликую палитру экзистенциальных деформаций бытия.

Но в этом пункте «иска к Богу», молитва совершает философское сальто-мортале. Она ставит человека перед необходимостью осознать свою ответственность за сущее. Через «Слово» молитвы человек сталкивает себя с тем, что долгое время обывательски игнорировал и не замечал. Он вынужден, наконец, осознать, что приглашен к исполнению своей миссии в бытии.

В философски интерпретированной молитве просьба, оказывается «превращенной формой» репрезентации «вечных вопросов» об участи человека в (сотворенном) бытии. **Мир смыслоуtrat и преданных забвению ценностей, вызывает к нашему этическому подвигу реинкарнации «должного»** «Господи! Дай силы любить там, где нас ненавидят; прощать там, где нас обижают; соединять там, где главенствует ложь; свет проливать там, где господствует тьма; радость дарить там, где живет печаль; надежду пробуждать там, где терзает отчаяние!»

Бытие на глазах обретает свои философские (т.е. онтологические предельные) смысложизненные ракурсы. Отныне, именно человеку необходимо артикулировать «пространство разговора», задать его сквозные темы и рефлексивные интенции. **Молитва, посредством «собрания.Слов», подключает человека к творчеству осмысленного бытия, формулирует духовные проекты «возможного должного».**

Посредством жанра молитвы человек получает возможность диагностировать пограничные ситуации (своего) бытия. Через молитвенное сосредоточение на смыслах происходящего, человек побуждается к мировоззренческой аналитике противоречий и парадоксов бытия. В молитве он обретает экзистенциальную глубину и настроенность на личностный резонанс с тем, что вызывает к его ответственным поступкам.

Молитва, как событие обращения к изначальным смыслам человеческого бытия, оказывается «философским текстом», фиксирующим наличие фундаментальных вопрошаний, имплицитно присущих сути человеческой жизни. Обнаруживая драмы и трагедии человеческой экзистенции, **молитва инициирует трансформацию локальных биографических переживаний во вселенское размышление о Судьбах всего сущего!** Позволю и себе личное воззвание: «Силы откровения! Даруйте всем нам возможность неустанно постигать смыслы бытия, свободно и ответственно самоопределяться, ЛЮБИТЬ и МЫСЛИТЬ «по Истине!»